

рот ценными историческими источниками. Труднообозримое без специального разыскания (теперь осуществленного автором) число рукописей, бросающаяся в глаза при первоначальном знакомстве «однотонность» содержания, количественное преобладание церковно-догматического аспекта правовых норм — все это «отпугивало» исследователей уже в XVIII в. — тогда, когда кормчие книги еще находили широкое применение в церковно-юридической практике Российской империи. Да и в течение следующих полутора веков находились лишь отдельные энтузиасты, которые брали на себя тяжкий труд частичной классификации и источниковедческой обработки этого обширного рукописного фонда. Так что автор с полным правом заключает: «Для истории древнерусского права, истории античного и византийского наследия на Руси, древнерусской общественной мысли и философии, даже для истории межславянских связей кормчие книги остаются в значительной степени книгами „за семью печатями“, ценность которых как исторического источника практически не определена» (с. 33).

Исследование Я. Н. Шапова — исследование по преимуществу рукописных памятников, так как кормчие книги в массе своей остаются неизданными. Из 180 списков различных редакций, хранящихся в библиотеках и архивах Советского Союза, несколько десятков впервые выявлены самим автором. Все эти списки изучены им непосредственно, как и некоторые Польши и Румынии. Для детального анализа автор отбирал списки старших редакций XI—XIII вв., легшие в основу большинства более поздних (с. 36). Текстологическое изучение велось при этом двумя параллельными путями: анализировались различия в составе списков кормчих и детально исследовались отдельные произведения из этого состава, которые представлялись наиболее важными для темы и наиболее показательными для истории кормчих (с. 38—39).

Вторая глава («Древнеславянская кормчая на Балканах и на Руси» — с. 40—116) посвящена исследованию ранних этапов рецепции и бытования кормчих у южных славян (у болгар) и на Руси. Автор освещает такие вопросы, как состав и особенности основных редакций самых ранних древнеболгарских кормчих, устанавливая при этом их архетип, как источники кормчей, место дополнительных статей в ее составе, вопрос о времени и обстоятельствах появления славянских кормчих и их проникновения на Русь. Автор приходит к убедительному выводу, что сборники 14 титулов (Синтагма и Номоканон) были основаны источником кормчих, что первыми славянскими кормчими были древнеболгарские, которые следует датировать концом IX — началом X в. (не ранее 912 г., когда были составлены, видимо, последние дополнительные статьи) (с. 67, 96). Именно древнеболгарские переводы кормчей «в форме Ефре-

мовской редакции проникли на Русь в XI в., возможно во второй его четверти, при Ярославе Мудром» (с. 101).

Впрочем, судьбы древнеславянских кормчих на Руси Я. Н. Шапов прослеживает в этой главе не только на раннем этапе, но вплоть до XVI в. Заслуживают особого внимания наблюдения автора, свидетельствующие о том, что уже во второй половине XII в. Ефремовская кормчая подверглась на Руси значительной переработке и что именно эта переработка получила на новой почве широкое распространение (с. 103 сл.).

В третьей главе («Сербская редакция кормчей» — с. 117—158) рассматривается новый этап в истории кормчей на Руси, связанный с использованием Сербской редакции конца XII в. (ее окончательное оформление приписывается архиепископу Сербии Савве) и характеризующийся более активным, творческим подходом к иноземным заимствованным юридическим сборникам подобного типа: все больше и все смелее в кормчие стали включать статьи местного, русского происхождения, причем сразу же после того, как эта редакция в 1262 г. была выписана киевским митрополитом Кириллом (с. 146 сл., 154 сл.). Проследивает автор историю этой редакции и на Балканах и на Руси, дав соответствующие архетипы ее списков (с. 133 и 137).

Четвертая глава («Русская редакция кормчей XIII в.» — с. 159—233) основана на наибольшем числе рукописей (130 из общего числа 180), впервые введенных автором в научный оборот и во множестве впервые выявленных им же в книгохранилищах Советского Союза.

С созданием Русской редакции в 1260—1270-х годах, получившей впоследствии наибольшее распространение на русской земле, Я. Н. Шапов связывает третий период истории кормчих на Руси, когда кормчая на Руси как юридическая компиляция приобрела ярко выраженный оригинальный, местный характер, когда в нее стали включаться не отдельные нормы русского происхождения, но целые юридические древнерусские памятники. Эта компиляция, «не имевшая аналогий в византийской и южнославянской письменности... в значительно большей степени, чем оба основных ее источника, соответствовала условиям развитого феодального общества Руси второй половины XIII в.» (с. 243).

История Русской редакции разработана автором (и это вполне понятно) особенно детально. Важно и интересно заключение Я. Н. Шапова, что процесс составления русской кормчей прошел два этапа: первый (60—70-е годы XIII в.) был связан с деятельностью киевского митрополита Кирилла, второй же (70—80-е годы того же столетия) — с творчеством канонистов Северо-Восточной Руси (предположительно Ростова и Переславы Суздальского). Оба izvoda послужили источником для множества списков, но киевский «оригинал» получил преимущественное распространение в Юго-Западной Руси и на белорусских и украинских землях